

Шматова Е. С.

[ЯЗЫК ПРАВА И ЯЗЫК ЗАКОНА В ДИХОТОМИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/106.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 251-254. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

сон, ни явь, нет мыслей и воспоминаний, только чувствую, - и никогда с такой силой, - бытие. Оно не представляется мне случаями или отдельными картинками, а вне времени, - во всей полноте, где-то надо мной, по ту сторону водной толщи, простирается бытие» [там же].

Объективное время появляется только во время активных действий: «И только когда наступает время подъема, все оживают, с тревогой поглядывают на часы, - ждут, как воскресения из мертвых» [там же].

Сопутствующие такой обстановке и состоянию моряков чувства выражаются с помощью слов, содержащих эмотивную сему: *гнетет, ужасная, с тревогой, странно, жутко*. При этом уже эмотивное время становится одной из причин появления названных чувств, а не наоборот.

Кроме того, низкая частотность слов с отрицательной эмотивной семой и слабая экспрессивизация текста препятствуют нагнетанию чувства тревоги и страха, что позволяет имплицитно передать мужество и самообладание моряков.

Таким образом, (1) между категорией эмотивности и субкатегорией эмотивного времени наблюдается отношение пересечения; (2) при формировании эмотивной информации художественного текста значения эмотивного времени и эмотивности обычно взаимодействуют, а языковые средства их выражения используются комплексно, что позволяет усилить перлокутивный эффект; (3) при включении в художественный текст субкатегории эмотивного времени, между ней и категорией эмотивности чаще наблюдается отношение конъюнкции, чем дизъюнкции; (4) отношение порождения между категорией эмотивности и эмотивным временем двунаправленно: как эмоция может лежать в основе эмотивного времени, так и эмотивное время может порождать эмоцию.

Список использованной литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). - Л.: «Просвещение», 1981. - 295 с.
2. Голубкова Н. Н. Лингвистические особенности категории эмотивности в психологической прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. н. - СПб., 2003. - 21 с.
3. Калимуллина Л. А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. - 2006. - № 5. - С. 71-79.
4. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: КомКнига, 2005. - 232 с.
5. Нестерик Э. В. Языковые средства выражения субъективного восприятия времени в английском художественном тексте: Дис. ... канд. филол. н. - М., 2007. - 190 с.
6. Новикова Т. Л. Эмотивные компоненты на линии пересечения концептуально значимых смыслов в парадигматике и синтагматике художественного текста // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: Материалы седьмой международной конференции. Владимир, 25-27 сентября 2007 года. - Владимир: ВГПУ, 2007. - С. 221-226.
7. Толстой А. Н. Собрание сочинений в десяти томах. - М., 1958. - Том 2. - 760 с.
8. Тошович Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония: Сб. научн. ст. к 70-летию И. С. Улуханова. - М., 2006. - С. 315-326.
9. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебн. пособ. по спецкурсу. - Волгоград, 1983. - 96 с.
10. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. - 2007. - № 5. - С. 3-13.

ЯЗЫК ПРАВА И ЯЗЫК ЗАКОНА В ДИХОТОМИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шматова Е. С.

Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)

Возросший интерес к изучению и совершенствованию русского языка в политической и научной сферах, и тем самым актуализация комплексных исследований в лингвистике своим результатом имеют развитие новых направлений в языкознании, где особое место занимает юридическая лингвистика. Эта совсем «молодая» отрасль языкознания, хотя и носит междисциплинарный характер, находясь на стыке языка и права, в последнее время приобретает самостоятельное значение. Юридическая лингвистика разрешает самые разнообразные коллизии, как в сфере лингвистики, так и юриспруденции, например, лингвистическая экспертиза юридических документов, практические исследования специфики переводов юридических текстов, разработка рекомендаций по совершенствованию лингвистических средств нормативно-правовых актов и др. Но в центре предметной области данного направления языкознания - концептуальные основы языка права и языка закона, их взаимосвязь.

Хотя совершенно очевидно, что права без языка нет и быть не может, исследования их взаимодействия на протяжении всей истории правовой рефлексии находились как бы «на периферии», и о самом этом взаимодействии вспоминали главным образом в связи с разработками техники и методики составления и толкования правовых текстов (словесное, филологическое или грамматическое толкование). Вопрос о языке права в советской литературе сводился главным образом к более узкому, хотя и принципиально важному, разделу, посвященному изучению языка закона. Это во многом объясняется доминированием в советской юридической науке концепции нормативизма. При этом в работах юристов-теоретиков С. С. Алексеева, Д. А. Гаври-

лова, И. С. Грязина, Ю. М. Оборотова, А. В. Петришина, А. С. Пиголкина, П. М. Рабиновича, В. М. Сырых, Ю. Н. Тодыки, В. Д. Ткаченко, М. В. Цвика, А. Ф. Черданцева и других авторов преобладает лингвистически-филологический подход к связанным с юридической герменевтикой языковым вопросам.

В последние десятилетия наблюдается интенсивный «встречный» рост исследований языка права, осуществляемых представителями языковедения, который привел к появлению новой дисциплины на стыке между языковедением и правоведением - «юридической лингвистики» (Ю. Ф. Прадид), или «юрислингвистики» (Н. Д. Голев). В уже довольно богатой мировой и отечественной литературе по тематике языка права главные акценты делаются на аутентичности предлагаемых терминов, стилистике, лексикографии, языковой судебно-криминалистической экспертизе и потому подобных сюжетах, которые относятся именно к юридической лингвистике и даже к юридической филологии. Бесспорно, лингвистика и филология права абсолютно необходимы и в теоретическом, и в практически-прикладном аспектах. Следует в особенности отметить работы украинских филологов Н. В. Артикуцы, С. П. Кравченко, Ю. Ф. Прадида, В. Я. Радецкой, Б. Р. Стецюк, З. А. Тростюк и других авторов и их российских коллег Д. Д. Беляева, Н. Д. Голева, Т. В. Губаевой, С. В. Дорониной, О. П. Сквородникова, С. П. Хижняка, Б. Я. Шарифуллина и др. Однако исследование языка права может и должно иметь более широкий междисциплинарный характер. В нем необходимо привлечение принципов, методов и результатов психологии, социолингвистики, социологии права, истории и теории права, истории юриспруденции, риторики и др. наук.

В настоящее время необходимость комплексного и системного совершенствования законодательства обуславливает задачу улучшения качества подготавливаемых законопроектов. В значительной степени качество закона определяется качеством языка, на котором он написан. В связи с этим, проблема лингвистической (т.е. языковой) экспертизы законопроектов интересна как в теоретическом, так и практическом плане. Язык законодательных актов должен быть понятен каждому гражданину, для этого он должен обладать такими качествами как ясность, точность, логичность, компактность, лаконичность.

Современный юридический язык развивается по двум направлениям:

1. Усложнение языка общения юристов, языка законодателя, посредством неологизмов, языковых заимствований.

2. Филологи и законодатели пытаются сделать юридический язык общедоступным, посредством унификации, юридической интерпретации.

Язык права - важнейший элемент юридической техники, поскольку он связан непосредственно с выражением права. Отсюда немедленно и неизбежно вытекает довольно сложная проблема: будучи наукой, теория права, юриспруденция в целом, должны обязательно располагать специфическим с технической точки зрения языком. Однако, являясь наукой нормативной, применяемой к действиям всех членов общества, «право должно говорить на общедоступном языке». Ряд двусмысленностей, встречающихся в языке права, вызван преимущественно этим двойственным обстоятельством.

Действительно, медики, математики, инженеры, архитекторы нередко пользуются особыми, нередко малопонятными, техническими терминами и выражениями, не употребляющимися в повседневной речи. В лингвистике подобная лексика образует массив слов-профессионализмов. Это никого не удивляет, поскольку подобный язык связан с предметами и ситуациями, с которыми большинство людей в будничной жизни не сталкиваются. С другой стороны, законы пишутся для всех и касаются повседневно возникающих ситуаций; даже простые юридические акты могут иметь зачастую серьезные последствия. В итоге язык права является в известной степени языком специализированным, однако порожденным частично литературным языком, на который он нередко оказывает влияние, подвергаясь в свою очередь и обратному влиянию и со стороны языка повседневного общения.

Необходимо отметить, что в связи с проблемой сущности «юридического языка», его соотношения с литературным языком, существуют две основные точки зрения:

Во-первых, представление о том, что юридический и литературный языки полностью совпадают. Текст закона пишется на русском языке, он должен быть понятен всем его носителям; законопослушание предполагает законопонимание, таким образом, особый «юридический язык» сводится к профессиональному жаргону юристов. Данная точка зрения была распространена в советской науке и практике, стремящихся с её помощью обосновать тезис о близости советского права к широким народным массам и противопоставить его буржуазному праву, назначение которого - «отстаивать и защищать интересы привилегированного меньшинства против широких трудящихся масс».

Во-вторых, представления об их несовпадении. Сторонники данной точки зрения утверждают, что любой юридический текст создаётся специалистами, и ими же подвергается толкованию. Доступность же его содержания и смысла для неюриста - задача профессионала-правоведа (адвоката, юрисконсульта, судьи). Понятие «квалифицированная юридическая помощь», оказание которой гарантировано Конституцией РФ (ст. 48) должно, таким образом, включать и грамотное и доступное разъяснение специальной терминологии.

Действительно, как никакая иная профессиональная деятельность, именно юриспруденция, в основе которой лежит постоянная речевая коммуникация, нуждается в таких языковых средствах, которые бы точно обозначали правовые понятия, грамотно выражали мысль юриста. И наоборот, специфика профессиональной деятельности юриста определяет лингвистические особенности «языка права», профессиональной лексики:

1. Широкое использование терминологической лексики. Юридические термины представляют все функциональные стили языка: от книжного («истребование», «воспрепятствование», «сопряжён», «обременение» и т. д.), официально-делового («сокрытие», «недопоставка»), до разговорного («пьянство», «попрошайничество» и т. д.). Встречаются и эмоционально окрашенные лексические единицы (например, слово «пособник» имеет в словаре пометку «неодобр.») [Апт 2000: 56; Магомедов 2004: 21].

2. Юридическая лексика характеризуется активным словообразованием. Так, слова «подсудность», «наказуемость», «довзыскание», «доказывание» и многие другие даны в словарях с пометкой «юр.», а ряд терминов в словарях не зарегистрированы («управомоченные», «способствование», «поставление»).

3. Многие из юридических терминов являются сложносоставными - «безвестно отсутствующий», «явка с повинной», «смертная казнь» и т. д. Это языковые стандарты (клише) с точно определённым составом и порядком слов, являющиеся зачастую основой образования юридических конструкций.

4. Широкое использование речевых штампов и клише - слов и выражений со стёртой семантикой («выветрившимся» значением) и потускневшей эмоциональной окраской: «прекратить дело производством», «об отложении дела слушанием» (правильно «производство дела прекратить, до отложения его (дела) слушания»).

5. Юридическая лексика характеризуется своеобразным порядком управления (управление - вид связи между словами, при котором главное слово требует от зависимого определённого падежа: «презумпция невиновности», «явка с повинной»). Например, на основе смысловой близости между словосочетаниями «лицо, производящее дознание» и «орган дознания» второе принимает формы управления первого: «передача дел от органа дознания», хотя правильнее - «из органа дознания».

6. Своеобразен и порядок сочетания слов. Например, в предложении «умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» несогласованное определение «средней тяжести» должно стоять после определяемого слова «вред», но это слово входит в состав словосочетания «вред здоровью», поэтому порядок слов в данном словосочетании определён не правилами русского языка, а содержанием.

7. Специфичен в языке права и порядок употребления однородных членов предложения - слов, обозначающих сопоставимые понятия, соединённых сочинительной связью и отвечающих на один и тот же вопрос. В тексте закона они выполняют уточняющую функцию. Специфичным является то, что в качестве однородных членов предложения могут соединяться слова, называющие неоднородные, несопоставимые понятия или являющиеся разными членами предложения. Например: «Те же деяния, совершённые неоднократно (как?) или лицом (кем?), ранее совершившим изнасилование»; «Те же деяния, совершённые в крупном размере (как?) либо лицом (кем?), ранее судимым».

Разумеется, зачастую искажение правил русского языка, языковой нормы является следствием элементарной безграмотности, иногда оно выступает как явление психологическое и за использованием речевых штампов прячется отсутствие языкового чутья, языкового вкуса, культуры речи. Иногда нарушение правил русского языка допускается намеренно. Так, в нарушение правил орфографии в словосочетаниях, обозначающих названия органов государственной власти оба слова пишутся с прописной буквы (Государственная Дума, Совет Федерации, Конституционный Суд РФ). Аналогично, с прописной буквы не в зависимости от места, занимаемого в предложении, пишутся слова «Президент», «Правительство» и т. д. (Заметим, применительно к истории государства правила орфографии соблюдаются: Боярская дума, Государственный совет и др.)

Итак, можно констатировать, что т. н. «профессиональная лексика» особый «юридический язык» обладает рядом лексических особенностей, объективно обусловленных сферой их формирования, существования и применения. Но, несмотря на все лингвистические и семантические нюансы, язык права должен в целом отвечать трем условиям: он должен быть точным, ясным и достоверным. Вследствие этого язык права включает термины, как словаря повседневной речи, так и из научно-технического словаря. Повседневные термины употребляются, как правило, в институциональных вопросах и в вопросах общей связи фактических ситуаций. Технические термины предпочтительны, при подробном изложении норм, при детальном анализе юридических ситуаций, а также при толковании юридических феноменов. Определяя поведение людей и устанавливая условия решения споров, право должно иметь подробный и четко определенный словарь терминов, способствующий обеспечению высокой точности языка права. Действия того, кто тайно изымает имущество без ведома его владельца, отличаются от действий того, кто добровольно принял имущество от его владельца, а затем отказался вернуть данное имущество. Все эти тонкости и различия должны быть отражены в юридическом словаре.

Итак, подводя итоги, можно выдвинуть ряд концептуальных положений юрлингвистики в дихотомии исследования языка права и языка закона.

1. Отношения языка и права свойственна взаимная обусловленность. Правовые нормы могут существовать в современном мире только в определенных языковых формах.

2. Язык права - один из возникших на основе литературного национального языка профессиональных языков (наряду с языками медицины, техники, искусства и т.п.). Имея свою специфику, он исследуется, все чаще как социальный феномен, а лингвистические исследования приобретают комплексный междисциплинарный характер, с одной стороны, а с другой способствуют формированию юридической семиотики как метаюрлингвистики.

3. Язык закона имеет присущие ему стилистико-синтаксические, лексические, морфологические, пунктуационные и логико-структурные особенности, которые необходимо знать юристу. В связи с этим, можно говорить о формировании нормативно-правового стиля литературного языка.

Список использованной литературы

1. **Апт Л. Ф.** Правовые дефиниции в законодательстве. Проблемы юридической техники: Сб. ст. / Под ред. В. М. Баранова. - Н. Новгород, 2000.
2. **Магомедов С. К.** Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. - 2004. - № 3.
3. **Медведев А.** Российские законодатели и нормы русского языка // Хозяйство и право. - 2002. - № 2.
4. **Хабибуллина Н. И.** Язык закона и его толкование. - Уфа, 1996.
5. **Шеломов Б. А.** «Птичий язык» трудового права // Государство и право. - 1999. - № 3.

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В РУССКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ «КОМПЬЮТЕР»

Шорохова Т. А.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Предметом исследования является русская терминосистема «Компьютер», которая отражает соответствующий фрагмент концептуальной картины мира.

Терминосистема «Компьютер» включает следующие элементы: «компьютер», «лэптоп», «ноутбук», «системный блок», «монитор», «клавиатура», «мышь», «материнская плата», «процессор», «кулер», «звуковая плата», «дисковод», «свитч». Исследуемая терминосистема организована по принципу поля, в составе которого выделяются ядро, ближняя и дальняя периферия.

Ядерными мы считаем термины, которые отвечают двум условиям: они 1) обозначают объекты базовой конфигурации компьютерной системы, при отсутствии одного из которых функционирование компьютерной системы невозможно; 2) частотны в речи рядовых пользователей. Такими являются термины, известные многим носителям языка: «компьютер», «монитор», «клавиатура», «мышь» и др. Так, в популярной статье, касающейся влияния компьютера на здоровье человека, употребляются лексические единицы, обозначающие объекты только базовой конфигурации компьютера, то есть ядерные: «компьютер» - (41 - здесь и далее в скобках указаны результаты статистического анализа), «монитор» - (37), «клавиатура» - (16), «мышь» - (10), «системный блок» - (4), например: *Компьютер с каждым годом все прочнее входит в нашу жизнь; Следует разместить монитор прямо перед вами..., При работе с клавиатурой угол сгиба руки в локте должен быть прямым..., Правильное положение руки при работе с мышью аналогично рекомендациям по работе с клавиатурой, Во время долгой работы корпуса монитора и платы в системном блоке нагреваются и выделяют в воздух вредные вещества* [Востокова 2003: 79-91]. Ядерные термины представляют специальное знание, но известное достаточно широкому кругу носителей языка.

Периферию составляют термины, обозначающие объекты, которые, в отличие от ядра, не относятся к базовой конфигурации компьютерной системы и отражают более глубокий уровень специального знания. Мы разграничиваем ближнюю периферию и дальнюю периферию. Ближнюю периферию составляют термины, зафиксированные толковыми словарями: «ноутбук», «процессор». Термины ближней периферии, таким образом, отражают знания как рядового пользователя, так и специалиста. Дальнюю периферию составляют термины, не зафиксированные толковыми словарями: «лэптоп», «системный блок», «кулер», «материнская плата», «дисковод», «свитч». Сведения о соответствующих объектах в настоящее время можно получить только из специальной справочной литературы. Это позволяет заключить, что термины, составляющие дальнюю периферию, отражают знание специалиста.

Моделирование терминосистемы позволит сделать вывод об организации соответствующего фрагмента концептуальной картины мира. Поскольку значение ядра и ближней периферии представлено в толковых словарях, организация этих зон анализируется в данной работе на базе лексической семантики их элементов. С этой целью проводится компонентный анализ.

Далее представим элементы, составляющие ядро и ближнюю периферию, их толкования и семный состав, выявленный методом компонентного анализа, а также приведем примеры актуализации некоторых сем в контекстах.

Проанализируем семантику терминов, составляющих **ядро терминосистемы**. Здесь и далее в толкованиях подчеркнуты единицы, отражающие компоненты значения, то есть семы.

Компьютер: Электронная вычислительная машина (ЭВМ) [Ожегов 1995: 283]. Семный состав:

- 1) электронная машина: ... компьютер испускает электромагнитное излучение [Востокова 2003: 84];
- 2) вычислительная машина: Компьютер - это такая штука, чтобы делать научные или инженерные расчеты [Левин 2004: 19].

Монитор: контролирующее или видеоконтролирующее устройство [Ожегов 1995: 357]. Выявлена сема «видеоконтролирующее устройство».

Клавиатура: система клавиш [Ожегов 1995: 270]. Выделяем одну сему - система клавиш: ... на клавиатуре имеется обычно около сотни клавиш [Левин 2004: 36].